

УДК 811.161.1:81'42

**СРАВНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ
ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В РОМАНЕ В. П. АСТАФЬЕВА
«ПРОКЛЯТЫ И УБИТЫ»
(К ОСОБЕННОСТЯМ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «ВОЙНА»)**

Осипова Александра

ФГБОУ ВПО «Магнитогорский государственный университет»,

Магнитогорск, Россия

В статье на материале романа В. П. Астафьева «Прокляты и убиты» анализируются устойчивые и индивидуально-авторские сравнительные конструкции как прием создания языковой игры. Определяются функции и роль сравнений в вербализации одного из ключевых концептов писателя – концепта «Война».

Ключевые слова: сравнительная конструкция, концепт «Война», В. П. Астафьев, языковая игра.

Изначально внимание к феномену языковой игры (ЯИ) было связано с изучением художественной литературы. В настоящее время ЯИ называют широкий круг явлений, имеющих место не только в художественной литературе [12], но и в разговорной речи [11], в языке СМИ [5]. «ЯИ является важной составляющей, неизменным компонентом русской языковой действительности» [6, с. 28–29]. В силу многогранности содержание термина «ЯИ» у исследователей неоднозначно. Тематика и материал настоящего исследования отвечают широкому пониманию термина «ЯИ». Это «реализации поэтической функции языка», где главную роль играют разные виды тропов (сравнения, метафоры, перифразы и т. п.) [11, с. 172–174], «творчество в языке, ориентация на скрытые эстетические возможности языкового знака» [8, с. 168].

Выбор в качестве источника исследования творчества В. П. Астафьева не случаен. В. П. Астафьев, по общепринятому мнению, стал виднейшим представителем той прозы, которую долгое время условно именовали «деревенской». В его «высокохудожественных произведениях, органично сочетающих философичность, социальный пафос, углубленный психологизм, рассматриваются наиболее важные слагаемые современного народно-национального бытия» [4, с. 10]. Критики отмечали народность как одну из основных черт и писателя, и его творчества: «Народность Виктора Астафьева – в нем самом, его судьбе, в его родословной, в его речах – и только после этого – в его книгах <...> Виктор Астафьев самобытен и в своих суждениях, в своих привычках, без какого-л. стереотипа, столь излюбленного в наши времена» [13, с. 12]. Изучение творчества В. П. Астафьева с лингвистической точки зрения, несомненно, является актуальным. Это автор, писавший на протяжении полувека и отразивший в своих

произведениях размышления о жизни, о назначении человека на земле, его нравственных устоях, о русском народном характере.

Актуальность нашего исследования обусловлена тем, что язык произведений В. П. Астафьева представляет собой богатейший источник для лингвистических изысканий. Однако подобных научных работ немного. Мы исследуем ключевые концепты творчества В. П. Астафьева как элементы художественной картины мира писателя. Таким элементом является концепт «Война», который лингвисты причисляют к одному из самых значимых в русской языковой картине мира [7, с. 207]. Анализируемый концепт относится к числу ведущих в романе В. П. Астафьева «Прокляты и убиты». По существу, этим произведением автор попытался скорректировать традиционный взгляд на саму Великую Отечественную войну и на победу в ней. И главным здесь стал вопрос о цене победы: «не было победы, а тем более Победы, потому что мы просто завалили врага своими трупами, залили его своей кровью» [2, с. 14]. В романе автор нарисовал впечатляющую картину нового апокалипсиса, где человек убивает человека, теряя при этом свое человеческое обличье. Изображая войну как всеобщую массовую смерть, В. П. Астафьев преследует определенную цель – низвергнуть те лживые представления о Великой Отечественной войне, которые были навязаны советской пропагандой. Не случайно в комментариях к роману автор пишет: «... об этой войне столько наврали, так запутали все, с нею связанное, что в конце концов война сочиненная затмила войну истинную. Заторами нагромоздилась ложь не только в книгах и трудах по истории прошедшей войны, но и в памяти многих сместилось многое в ту сторону, где была война красивше на самом деле происходившей...» [2, с. 9].

В. П. Астафьев признавался, что ему хотелось запечатлеть весь ужас войны, внушив к ней отвращение. Отсюда обилие натуралистических деталей, передающих звуки, запахи, цвета войны, пристрастие автора к изображению страданий человеческого тела, которое грызут вши, которое терпит голод, холод, боль. Отсюда же постоянно воспроизводимое художником зрелище обезображенных, разложившихся в воде и изъеденных крысами, исклеванных воронами мертвых тел. «Эта высочайшая, никак не дозированная степень “физиологизма”, не встречавшаяся ранее в военной прозе, помогает автору явить безобразный лик войны» [10, с. 90].

В данном ключе прием сравнения стал одним из излюбленных у В. П. Астафьева индивидуально-творческих инструментов описания действительности. Ткань романа писателя «Прокляты и убиты» пронизана как устойчивыми, так и свободными сравнительными конструкциями (СК). Как элементы ЯИ все они призваны максимально экспрессивно и разносторонне отобразить те или иные признаки описываемого субъекта сравнения, в общеизвестную характеристику кого-, чего-либо внести свои неповторимые, но существенно обогащающие представление дополнения.

Для данного исследования мы ограничились выявлением СК, в состав которых входят сравнительные союзы *как, будто, словно, точно, что*. Все они могут быть разделены на несколько групп, например, 1) СК, описывающие человека в условиях

войны; 2) СК, рисующие быт солдат; 3) СК, изображающие военную технику, оружие и т. д.; 4) СК, характеризующие само явление войны; 5) СК, передающие представление о смерти на войне. Объем статьи не позволяет рассмотреть все единицы, поэтому целью данной работы является анализ наиболее обширной по числу вербализаторов концепта «Война» группы – группы СК, описывающих человека в условиях войны.

В описываемую группу входят как устойчивые СК, так и свободные. Имеющийся материал позволил выделить несколько подгрупп единиц отличающихся по характеру субъекта, который подвергается сравнению.

1. Подгруппа, где субъектом сравнения является простой русский солдат. Самой частотной здесь является устойчивая СК как *(что) дитя/дети*: *Радуюсь обновке, что дитя малое, Коля Рындин примерял ботинки...* (с. 36)¹; *Ребята-казахи радовались, как дети, и этакой одежке, да они и были еще детьми...* (с. 65); *Бойцы что дети сбились вокруг, ждут, нетерпеливо приплясывая, радуются, получив подарочек...* (с. 292). В романе речь идет о новобранцах – в основном молодых парнишках, только вступающих во взрослую жизнь, поэтому наивных и неопытных. Так их воспринимает и повествователь. Но в запасном полку солдатам сразу дают понять, что они – лишь безлика серая масса: *Деловитый гул, прерываемый выкриками и руганью ходил над обширной площадкой <...> «Взвод, на построение!», «Быстренько! Быстренько! Освободить столы!», «Жуете, как коровы! Пора закругляться!»* (с. 21); *Щусь терпеть не мог, тем более смотреть, как истязает ротный подчиненных, орет на них, будто на безрогое стадо...* (с. 81). Два последних примера характеризуют не солдата, а принцип отношения к нему со стороны начальства. В последнем примере обыгран устойчивый оборот как *(словно, точно) стадо*: не сами солдаты ведут себя подобным образом (действуют «неорганизованно, вразброд, беспорядочно или панически» [9, с. 643]), а так их изначально воспринимает ротный – как тупых и лишенных человеческого облика существ. Иногда действительно человеческий облик стирается, особенно когда речь идет о непрекращающемся чувстве голода: *На виду у алчущих добавки масс, толпящихся у раздаточного окна, как у царских врат иль «жадную толпою у трона», выскребут остатки картох из баков, вычерпают самые жоркие одонки похлебки и хлесь это добро в отходы для свиней* (с. 122). В представленном примере сравнительную функцию оригинально выполняет в том числе интертекстема – строки из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Смерть поэта». В запасном полку «обретаются» так называемые доходяги, которые раздражают не только начальство, но и своих же товарищей. Это опустившиеся люди, живущие только первобытными инстинктами. Таким предстает Петька Мусиков: *Но унять и удалить Петьку Мусикова с нар не так-то просто. Он обхватывает столб руками и ногами, будто паук лапами, и вопит...* (с. 133). Но в полку есть и русские богатыри в лице старообрядца Коли Рындина, о котором лейтенант Щусь сокрушается, что *его бы*

¹ Здесь и далее цитируется по изданию: Астафьев В. П. Собрание сочинений : в 15 т. / В. П. Астафьев. – Красноярск : ПИК «Офсет», 1997. – Т. 10. Прокляты и убиты : роман. – С. 5–744. Следующие примеры даются с указанием страницы в круглых скобках.

дома оставить на развод, **как племенного жеребца**, чтоб род крепить, народ плодить... (с. 163). В трех последних контекстах ЯИ в виде представленных СК имеет установку на комический эффект. В. П. Астафьев в своем творчестве никогда не забывает поиронизировать над советской действительностью, над идеологией партии. Например, пожилой солдат Финифатьев, который пользуется авторской симпатией, по словам автора, очень боялся *этаким откровенной надуваловки, хотя мошенничать, надуть, воровать и жульничать по-мелкому, как и все советские колхозники, давно навек, иначе не выжить в социалистической системе* (с. 365).

Наряду с иронической функцией сравнение как прием ЯИ используется и для придания повествованию трагичности. В романе В. П. Астафьев резко критикует, в первую очередь, руководителей России разных времен, необдуманно, безрассудно распоряжающихся жизнями простых солдат; военачальников, бросающих огромные массы народа на бессмысленную смерть. Употребление ряда устойчивых и свободных СК подтверждает эту мысль: *Как же так? Они ж орлы, герои, а их косят, как траву, какие-то зачуханные японцы в очках?* (с. 88); *Бьем врага отчаянно! Трудимся героически! Живем патриотически! <...> Едины мы и непобедимы!.. И вот на тебе – враг на Волге, под Москвой, под Ленинградом, половину страны и армии как корова языком слизнула...* (с. 24). В последнем примере на передний план выступает противоречие, возникающее между установками коммунистической партии и реальным положением вещей на фронте в Великой Отечественной войне. Квантитативным значением, в котором, помимо основной семы, содержится сема ‘массовость’, обладает и СК *как один*. Данное сверхсловное образование дополняет в романе В. П. Астафьева картину масштабности гибели русских солдат: *Порой отчаяние охватывало старого вояку, познавшего не только самое войну, но и все прелести, сопутствующие ей, не раз, не два хватался он за голову: «Погибнут! Все как один погибнут, сгорят в том неразборчивом, всепожирающем огне войны...»* (с. 280). Но наибольшую образность имеют все же авторские СК: *Но одно-единственное, редкое <...> слово «окружение» правило несметными табунами людей <...> Лавина, будто речка среднерусских земель в половодье, увеличивалась, полнела, ширилась, хотя ее и бомбили с воздуха непрерывно...* (с. 117); *Товарищи комиссары из военкоматов <...> как-то сразу запомнили, что это есть дети «смертельной контры», гребли всех подряд, бросали в огонь войны, будто солону навильниками, отодвигаясь на такое расстояние, чтоб их самих не пекло* (с. 263). Одна из самых ужасных сцен первой книги романа «Прокляты и убиты» – сцена расстрела братьев Снегиревых, самовольно ушедших на несколько дней к матери в деревню. Парни даже не поняли, что совершили преступление и искренне удивлялись, что их ищут. На расстрел отправили четыреста человек: такое количество считалось достаточным для «высокоидейного воспитательного мероприятия». Рассуждая о судьбе Снегиревых, помкомвзвода Яшкин сокрушается: *и что значат какие-то парнишки Снегиревы? Таких Снегиревых унесет военной бурей в бездну целые тучи, как пыль и прах во время смерча уносит в небеса* (с. 198–199).

2. Подгруппа СК, где субъектом сравнения является тот или иной военачальник. Для образной характеристики командующего состава армии чаще

всего В. П. Астафьев использует СК с отрицательной коннотацией. Это могут быть устойчивые единицы: *Подполковник пропустил мимо ушей опасную реплику своего начальника и, словно заведенный, ровным, утомленным голосом продолжал вводить в курс дела генерала, уныло, будто по книжке читал о том, что русская артиллерия <...> крушит все и вся* (с. 638–639); авторские образования иронического плана: *после здорового сна он [командир ротного артиллерийского полка – А. О.] выпячивал бочкой круглящуюся грудь, на которой оттопыренно, точно у бабы, болталась пара медалей* (с. 625); *Командиру полка предстояло выступить, но что говорить – он придумать не мог, вот и тужился, будто на горшке* (с. 739). Тыловики, откровенно обворовывавших солдат, называют пособниками Гитлера: *Почти год прошел, но пособников Гитлера выбирают и выбирают, как вшей из мотни солдатских штанов. Пособники Гитлера держались кучно, ругались, спорили...* (с. 406). В последнем примере также сквозит явная ирония: ясно, что «вшей» этих много и выбраны они будут не скоро.

Но среди начальства были и те отцы-командиры, которые жалели и уважали своих солдат: *...Шпатор есть Шпатор. Не напрасно он две войны и тюрьму обломал, набрался ума-разума, сквозь землю зрит, бойца своего, как родное дитя, бережет и любит* (с. 277). Здесь СК является вариантом устойчивых единиц как *родной, как родного*, в целом реализует их значения (ср. соответственно «Быть кому-л., для кого-л. близким, желанным, любимым человеком»; «**Встретить, принять** кого-л. – радушно, сердечно, окружив заботой и вниманием» [9, с. 554]). Солдаты, в свою очередь, также понимают, что *без командира на войне, как в глухой тайге без проводника* (с. 417). Интересны авторские СК, живописующие командный состав с точки зрения солдат: *И спрятать картофель негде – старшина сделает шмон, а видит он, змей подкольный, будто щука в пруду, любую малявку под любой корягой узрит...* (с. 58); *Так вот, словно бы неся гроб на спине, обитый серебристой серой материей, пронзил живую плоть столовой генерал и исчез в противоположных дверях...* (с. 73–74).

Ряд устойчивых СК в повествовании В. П. Астафьева подвергается трансформации. Так, например, СК *как гусь* зафиксирована в словаре в значении «**Шипеть**. Говорить злым шепотом или сквозь зубы» [9, с. 142] и несет пейоративную оценку. В анализируемом романе она призвана изобразить особую походку командира – образец военной выправки, и оценка меняется на прямо противоположную: *Щусь ходил как гусь <...> грязь не взобьет, сучка не переломит, ни травинки, ни хвоинки не сомнет, одно слово – балет!* (с. 78). Частично трансформировано значение СК *будто помидор*: *–... не позавидуешь тому, кто под разрыв попадает, – вещал веселый офицер с мордой светящейся, будто минусинский помидор* (с. 444). Здесь упускается основное слово-сопроводитель *красный*, обозначающее главный признак [см. 9, с. 490], но заменяющая его лексема *светящийся* тем не менее не искажает узуального значения СК, ср.: «Преим. о полнокровном, упитанном человеке» [Там же].

3. Подгруппа, где субъектом сравнения является представитель противоборствующей стороны. Парадоксально, но кроме того, что русскими немец закономерно воспринимается как нечто сугубо враждебное, сами немцы зачастую

воспринимают своих товарищей точно так же. Отсюда и употребление СК, реализующих экспрессивно-пейоративную функцию: [Макс Куземпель о Гольбахе – А. О.] *Гольбах – хьер моржьювый – совсем осатанел от войны, орет что попало, трясется как припадочный, кровь проливает...* (с. 477); *Мезингер совсем не так представлял себе отход боевой части, тем более своей роты. Она должна сражаться до последнего <...> А они бегут! И как бегут! Зады трясутся, что у баб, ранцы клапанами хлопают, будто рыжие крылья на спинах взлетают...* (с. 680); *Мезингер этот глуп как пуп, в войне ничего не смыслит <...> А он, Гольбах, как-никак повидал и жизнь, и войну всякую* (с. 683). Интересно использование устойчивой СК как пионер («**Готов, всегда готов** исполнить, выполнить что-л.» [9, с. 471]). В узуальном значении она употребляется автором при описании работы русских связистов: *Убегать связисту всегда приходится последнему, поэтому он всечасно на чеку, к боевому маневру, как юный пионер к торжественному сбору, всегда готов...* (с. 494). В следующем примере приводится кощунственное по советской идеологии сопоставление русских и немцев: *Дитя гитлерюгенда Зигфрид Вольф, как и советский пионер, ничего божеского не знал...* (с. 630). В данном случае СК теряет статус устойчивой из-за буквализации своего значения.

Таким образом, проанализированный материал позволил сделать вывод о том, что сравнение можно рассматривать как один из приемов ЯИ. В романе В. П. Астафьева «Прокляты и убиты» сравнение придает повествованию особую выразительность и изобразительность, позволяя художнику наполнить описываемый субъект сравнения своеобразным содержанием. Конечно, наибольший интерес представляют индивидуально-авторские, астафьевские СК, в которых образность достигает максимальной концентрации. СК, будучи вербализаторами концепта «Война», значительно обогащают его содержание, хотя и входят в периферийную часть. В настоящей статье начато подробное исследование СК в творчестве В. П. Астафьева. В перспективе намечается рассмотрение СК обозначенных нами выше других групп, а также СК не только в форме сравнительных оборотов, но и в форме отдельных предложений, введения сравнения в текст с помощью лексем *похож, подобен, напоминает* и др., «творительных сравнений» (сущ. в *Т. п.*). Индивидуализированная речь более подвижна и в силу этого более отзывчива к изменениям и в языковой, и в социально-культурной среде. «Изучение авторизованных текстов позволяет увидеть материал в ином ракурсе, предоставляя базу для сравнительного анализа общенациональной и индивидуальной составляющих концепта» [3, с. 3].

Список литературы

1. Астафьев В. П. Собрание сочинений : в 15 т. / В. П. Астафьев. – Красноярск : ПИК «Офсет», 1997. – Т. 10. Прокляты и убиты : роман. – С. 5–744.
2. Астафьев В. П. Сюжеты и судьбы. (Монолог о времени и о себе) // В. Астафьев. Всеми своим час / В. П. Астафьев. – М. : Молодая гвардия, 1993. – С. 7–25.
3. Богатова С. М. Концепт «дом» как средство исследования художественной картины мира Вирджинии Вулф : дис. ... канд. филол. Наук / С. М. Богатова. – Омск, 2004. – 312 с.

4. Большев А. О. Проблема народного характера в творчестве В. Белова, В. Астафьева, В. Распутина : дис. ... канд. филол. наук / А. О. Большев. – Л., 1986. – 172 с.
5. Ильясова С. В. Словообразовательная игра как феномен языка современных СМИ / С. В. Ильясова. – Ростов н/Д : Изд-во РГУ, 2002. – 360 с.
6. Ильясова С. В. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы / С. В. Ильясова, Л. П. Амири. – 2-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2012. – 296 с.
7. Маслова В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. завед. / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 208 с.
8. Норманн Б. Ю. Язык: знакомый незнакомец / Б. Ю. Норманн. – Минск : Вышэйш. шк., 1987. – 220 с.
9. Огольцев В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимно-антонимический) / В. М. Огольцев. – М. : ООО «Рус. словари» : ООО «Изд-во Астрель» : ООО «Изд-во АСТ», 2001. – 800 с.
10. Разуvalова А. И. Метафорика семьи в романе В. П. Астафьева «Прокляты и убиты» / А. И. Разуvalова // Юбилейные Астафьевские чтения «Писатель и его эпоха» / отв. ред. А. М. Ковалева. – Красноярск : Изд-во КГПУ им. В. П. Астафьева, 2009. – С. 89–92.
11. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / Н. Н. Розанова, Е. А. Земская, М. Я. Гловинская [и др.] ; отв. ред. Е. А. Земская. – М. : Наука, 1983. – 240 с.
12. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры : моногр. / В. З. Санников. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 533 с.
13. Смолин А. П. В потоке времени (писатель Виктор Астафьев в литературной Вологде 1970-х гг.) / А. П. Смолин // Вологодские записки Виктора Астафьева : материалы к творч. биографии писателя / гл. ред. С. А. Тихомиров. – Вологда : Книжное наследие, 2007. – С. 6–76.

Осипова Александра. Порівняльні конструкції як засіб створення мовної гри в романі В. П. Астаф'єва «Прокляті й убиті» (до особливостей вербалізації концепту «Війна») / Александра Осипова // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64), №2 (1). – С. 211–217.

У статті на матеріалі роману В. П. Астаф'єва «Прокляті й убиті» проаналізовано стійкі й індивідуально-авторські порівняльні конструкції як прийом створення мовної гри. Визначено функції і роль порівнянь у вербалізації одного з ключових концептів письменника – концепту «Війна».

Ключові слова: порівняльна конструкція, концепт «Війна», В. П. Астаф'єв, мовна гра.

Osipova Alexandra. Comparative Constructions as a Means of Language Game Creating in the Novel “The Cursed and The Slain” (Proklyaty i ubity) by V. Astafiev (distinctive features of the concept “War” verbalization) / Alexandra Osipova // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 211–217.

The paper analyzes fixed and individual author's comparative constructions as a means of language game creating. It determines the functions and the role of the comparatives in the verbalization of one of the author's most important concept “War”.

Key words: comparative construction, the concept “War”, V. Astafiev, language game.

Стаття надійшла до редакції 2 травня 2012 року